

ПОЧЕМУ ПЕТР – И В МОСКВЕ?

Зураб ЦЕРЕТЕЛИ: Русская сказка объявляет войну Микки-Маусу

– Зураб Константинович! Вы так охотно участвуете в разных «детских» проектах, оформляли Зоопарк, детские площадки. Скажите, у вас самого дети есть?

– У меня дочка.

– На каруселях сами катаетесь?

– Ой, обожаю!

– А любите бывать в тех местах, где стоят ваши работы?

– Да, безусловно, люблю. И всегда слежу за тем, как детские городки существуют в разных странах.

– Так у вас еще и мировой опыт есть?

– Я изучал опыт в Флоренции, Японии, и Франции.

– А что можно нового изобрести даже для большой детской площадки?

– Я проектирую комплекс в Мневниках уже несколько лет – потрясающая земля, которую Юрий Михайлович Лужков сохранил для нового поколения. Там особенный климат – как будто Господь Бог специально родил это место. Думаю над сказочными сюжетами.

– Русский Диснейленд?

– Примерно. У меня такой сценарий: русская сказка объявляет войну Микки-Маусу. Все рисунки, которые мы делаем, мы отдаём детям, а они сами создают ту пластику и ту цветовую гамму, которая им близка – это ведь делается для них. Такой вот немножко авангардистский подход.

– Здравствуйте, меня зовут Андрей Яковлевич. Вам не кажется, что памятник Петру смотрелся бы лучше, если бы он стоял по другой стороне Крымского моста? И второй вопрос: я люблю отдыхать на острове Родос. Слышал, что вы участвуете там в конкурсе на создание Колосса. В какой стадии проекта?

– Петру правильно место выбрано. По московскому генплану было возможно выбрать одно из пяти мест под монумент. Институты работали, выбирали места, точку.

Когда работал, часто слышал: почему Петр – и в Москве? Я удивлялся: а где он должен был быть? – «В Санкт-Петербурге!». Но скажите, Петр все-таки был кто: мэр Петербурга или царь России?

А что касается Родоса, то там объявлен конкурс, я в нем участвую. Изучил место. У меня есть несколько вариантов, которые я никому не показывал. Хочу отдать в материале, посмотреть, что получится. Там сложнейшая инженерия. Одна защита от ветровой нагрузки чего стоит! (Кстати, на Поклонной горе на обелиске Славы стоит тридцать две тонны гасителей на случай колебаний – когда был ураган в 1998-м году, их амплитуда была три с половиной метра). В одной газете написали, что Колossal будет 45-метровый – это ошибка: думаю, что он будет около ста метров высоты.

– А что вы думаете о памятнике Петру Михаилу Шемякину?

– Это такая своеобразная утешающая жанровая пластика. Шемякин, как вы знаете, использовал маску, снятую с Петра. Памятник интересный, такой подходит тоже может быть, почему нет?

– Зураб Константинович, вы как относитесь к искусствоведам?

– Мы их любим. Без искусствоведов художники не живут. Главное, чтобы не было озлобленности.

– Вы до сих пор остро реагируете на критику?

– Нет! Я знаю, что делаю. Искусство нужно время. И потом, искусство должно быть разным – зритель ведь разный! Это ошибка, когда кто-то говорит: «Мне нравится вот ТАКОЕ искусство» – и ругает все остальное. Это остатки того воспитания, которое мы получили ВЧЕРА. Тот соцреализм, который еще в нас сидит. У Шиллера – свои зрители. У Глазунова – свои. У меня – свои.

– Скажите, может быть, доля непризнания художнику полезна?

– Это от характера зависит. От

родителей. Помню, мне Сальвадор Дали как-то сказал: «Что-то меня давно не ругали. Наверное, забыли». А меня можно и ругать, и хвалить, но хвалебные слова – они как-то настрой поднимают.

– Зураб Константинович, вы можете рассказать про ваш музей на Пречистенке?

– Концепция такова: на Петровке открыт музей современного искусства, авангарда, а на Пречистенке в залах Академии художеств представлена российская школа. У нас в фондах – восемьдесят тысяч нигде не показывавшихся работ. Постепенно будем их реставрировать и выставлять. У нас хранится огромное количество рисунков с натуры лучших рисовальщиков русской школы, самые ранние – 1802 года. Их никто еще не видел! Для научной и учебной программы это просто мечта. Будем показывать, хотя, может быть, обычному зрителю станет немного скучно. Кроме того, хотим, чтобы студенты Суриковки, Строгановки имели полное право сидеть и рисовать в залах. А еще для всех учеников Академии будут давать уроки многое наши блестящие академики – в рамках программы международной кафедры ЮНЕСКО при Академии. Это желание Жилинского, Кербеля, Салахова, нового ректора Суриковского института – Анатолия Андреевича Бичукова. Так что опыт передадут.

– Добрый день, вас беспоконят Сергей Антонович. Я коренной москвич, по профессии востоковед. Ваше творчество в Москве принадлежит ельцинской эпохе. Хотелось бы узнать о ваших доельцинских работах.

– Вся моя жизнь разделена пополам: Москва и Тбилиси. Я занимался монументальным искусством, работал с уникальными архитекторами – и у нас, и за рубежом. Контактировал с Москвой. Во время Олимпиады Москвы сделал несколько объектов – это Измайлово, Битца, гостиница «Солнечная». Поз-

тодел не только в том, чтобы возрождать духовность. Надо еще, чтобы студенты любили приходить в академию, чтобы у них условия были нормальные. Сказать, что в академии все возможное для этого сделано, нельзя. Что касается петербургской части академии, института имени Репина, – то там привели в порядок сорок пять тысяч квадратных

Зураб Церетели появился в редакции сияющим солнечным днем – одетый в белое и в окружении красивых женщин (своих сотрудниц). Наш телефон во время «прямой линии», как мы и ожидали, не умолкал. Президент Академии художеств вежливо обходил «подколы» в вопросах, радостно выслушивал комплименты, рассказывал о своей семье и искренне переживал из-за того, что студенты Суриковки иногда выпиваются...

Вер. Москва – 2001 – 12 сентябрь – с. 3.

Франции – то же самое. А школа – она должна прежде всего развивать индивидуальность. Чтобы не было одинакового мышления.

– Зураб Константинович, я в прошлом году была в Нью-Йорке, и когда мы с экскурсией подъехали к зданию ООН, увидели вашего Георгия, – было очень приятно.

– Это у меня в Америке третья скульптура. Первая – Прометей – была сделана в 1979-м для Олимпиады детей-инвалидов, которые родились больными, которых выбросили родители. Сто шестьдесят одно государство в Олимпиаде участвовало. Мухаммед Али ее открывал! Нас там не было, потому что было громко сказано: в СССР нет больных детей. А я там повторил это! На меня смотрели и думали, что это я больной. И я свой гонорар оставил в фонде Шрайвер-Кеннеди – для этих детей.

Когда получил гонорар за Манежную площадь, отдал его Министерству обороны – купил на эти деньги военные, вернувшись из Германии, шесть тысяч двести квадратных метров жилья в Москве. За это получил от Министерства здание на Пречистенке, где сейчас музей.

Досье «ВМ»

Зураб Константинович Церетели – художник, скульптор, президент Российской Академии художеств (с 1997 года). Народный художник Грузии (1978), СССР (1979), России (1994). Родился в Тбилиси в 1934 году. В 1958 году закончил живописный факультет Тбилисской Академии художеств.

Его учителями были Уча Джапаридзе, Василий Шухаев и Иосиф Шарлемань. Его творчество оценил Марк Шагал. В Москве Церетели работает более 30 лет. Его работы находятся в городах России, Грузии, Украины, США, Великобритании, Испании, Японии, Бразилии, Франции. Особую славу снискали его монументы «Рождение нового человека» в Севилье, «Добро побеждает зло» в Нью-Йорке, а также московский Мемориал на Поклонной горе и скульптурная композиция в честь 300-летия Российского флота (Петр I). З. Церетели участвовал в работах по воссозданию храма Христа Спасителя.

же работал с Хаммеровским центром. Потом была Поклонная гора. Здесь же разрабатывал комплексы в Ялте, Мисхоре, Адлере...

Для меня не имеет значения, в чье время я работаю – в эпоху царя или Ельцина. У меня были прекрасные педагоги, и я понимаю: если твою работу поймут не сегодня – то завтра. Если не завтра – то послезавтра. Я получил и Государственные, и Ленинскую премии, и геройство, но не потому, что я политический художник и вождь рисовал – у меня это не получалось. Я стараюсь больше брать от природы.

Недавно было очень приятно – ко мне пришла «делегация», несколько человек из Бразилии. Им нравится моя работа (в Доме нашего посольства она живет). И они мне не сказали, что я – художник брежневской эпохи.

– Приветствую вас! Я по радио слышал, вы собираетесь увековечить букву Е?

– Ничего не знаю об этом. Правда, я когда-то давно создал обелиск из букв – там были и ста-орусский, и русский, грузинские (старый и новый) алфавиты, там были стихи наших лучших поэтов. Так что букву я готов сделать!

– Здравствуйте. Хожу мимо вашего дома – за воротами много скульптур. Почему нельзя зайти и посмотреть? Меня зовут Оля.

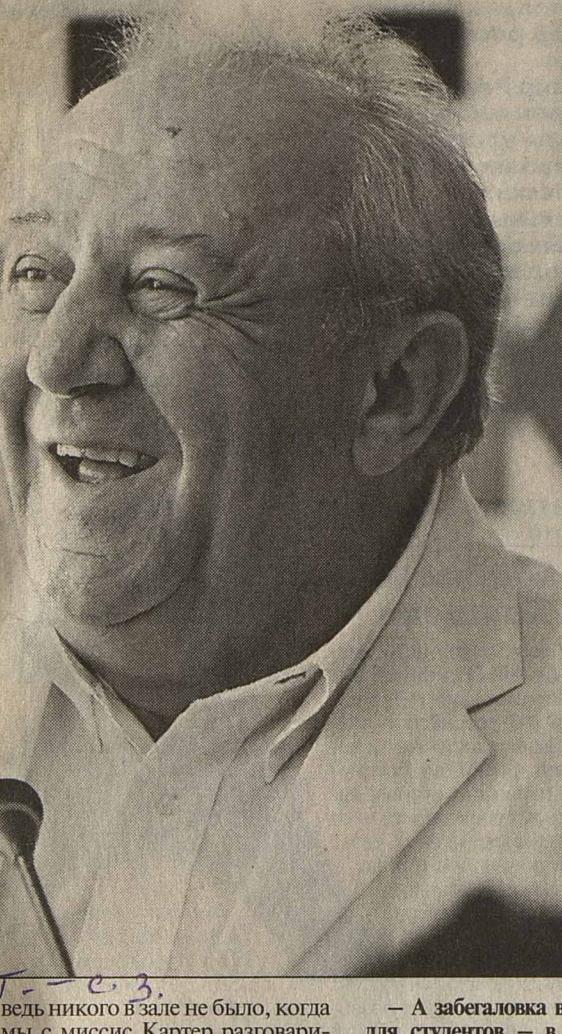
– Это моя мечта – хоть раз в

метров фасада! Двадцать тысяч метров кровли! Мы подняли шестиметровый скульптурный крест над домовой церковью Св. Екатерины. Осталось поставить девятиметровую Минерву, хочу закончить ее до трехсотлетнего юбилея Петербурга. В Москве – своя проблема: Суриковский институт надо в порядок приводить. В Санкт-Петербурге недавно завод «Литейный двор» оформили на Академию: чтобы студенты не только рождали идею, а своими руками ее до конца доводили: сами отливали, сами чеканили, сами монтировали. Исполнительское искусство постепенно умирает? Это вина наша.

Но я должен сказать большое спасибо всем сотрудникам и академикам за то, что они сохранили чистое российское искусство. Когда говорят, что санкт-петербургская школа лучше московской (или наоборот), я возмущаюсь. Чем они отличаются? Да, византийская школа с ее письмом по мокрой штукатурке – это отдельное явление. Но Москва и Петербург? Я даже запретил в Академии такие сравнения. И она может бороться с и французами, и с итальянцами! Сейчас в мире происходит трагедия: предметное искусство исчезает. В Америке я преподавал в Государственном музее изящных искусств – нет предметного искусства, и все! Во

Я вообще всю свою жизнь стараюсь от денег, от долларов избавляться. Испуганный, наверное. В семье в моей тоже ведь все это было. Дедушку в тридцать семь лет расстреляли... Я не хотел в Францию ехать, когда меня пригласили. Почему? Боялся, что на таможне у меня отнимут крест, который бабушка мне повесила. (Крест большой, дорогой и красивый – ред.) И когда таможенник мне улыбнулся, я подумал: он узнал про крест и простил! Когда вернулся, искал его глазами...

Или еще факт. Когда в брежневские времена я оказался в Америке, то выставил сто своих живописных работ, которые там создал. И жена американского президента захотела купить две картины. Как быть? Продать? Подарить? Но как потом объяснять, куда они делись? Я сказал ей: «Вы знаете, у меня выставка в Москве! Закончится – пришло время работ». Вот такие мы были испуганные... И Картер пришел к работам карточки: \$2000 и \$2500. А буквально на следующий день советский помощник Генерального секретаря по внешнеполитическим делам Александров мне заметил: «Зураб, как ты правильно сделал, что ты не продал и не подарил жене Картера свою живопись». «Да почему?!» – «Это было бы политически неправильно!» И

весь никто в зале не был, когда мы с миссис Картер разговаривали! Неужели кто-то сидел и подслушивал?

– Скажите, почему на Поклонной горе ваша «Трагедия народов» сначала стояла у входа, а потом ее демонтировали и перенесли дальше?

– Ой, я сразу детство вспомнил. В школе играли. Никакой спортивной одежды тогда не было, играли босиком. И мяч у нас был «искусственный» – из чулка, набитого песком. А когда к нам в Тбилиси приезжали Стрельцов, Трофимов, Симонян, Яшин – о! Возможности купить билеты на стадион у нас не было, но своя дырка в заборе имелась, так что на матчах бывали. Я помню, как нам подарили мяч! Помните знаменитого динамовца, вратаря Алексея Хомича? Как-то раз мы играли на улице, а он вышел из гостиницы, остановился и долго смотрел на нас. А через полчаса принес нам мяч. Это было невероятно! После этого мы еще больше футбола полюбили.

– Я хочу спросить: вы правда хотели обвенчаться в храме на Поклонной горе с Аллой Борисовной Пугачевой?

– Спасибо, хороший вопрос. В этом храме мой внук венчался.

– С Пугачевой?

– Надо спросить Аллу. У нее, правда, уже есть муж – красивый, талантливый.

– Здравствуйте. Ваша фамилия очень известна, и я хотел бы спросить, кем вам приходится Кахи Церетели, Ираклий Церетели и Тамара Церетели?

– Какая-то степень родства там есть: фамилия редкая. Ираклий Церетели был меньшевик, жил после эмиграции в Англии. Недавно прочитал, что он был прекрасный оратор. И когда в Англии оказался Хрушев, Ираклий вышел вперед и спросил: почему вы обманули народ? А Кахи Церетели был «продюсер» Шалипина (его импресарио в Париже). Дочь Федора Ивановича прислали мне письмо с вопросом: не ваш ли родственник? Я специально звонил отцу, узнавал. Тот спросил: «Это тот Кахи, который работал с Шалипином и умер во Франции? Наш». Марина Федоровна потом передала мне хороший рисунок – портрет Кахи, который сделал ее отец. Рисунок теперь висит у нас в музее: там такой типичный грузин.

А Тамара Церетели – москвичка, певица, в Отечественную войну выступала перед бойцами на фронте. Но моя мама – тоже Тамара Церетели! Она во время войны работала на почте и получала целые мешки писем, адресованных: «Тбилиси, Тамара Церетели» (все думали, что певица живет непременно в Грузии). Мама бережно хранила все эти письма дома – чтобы передать адресату. И вот однажды я прихожу из школы: что такое, отец ходит злой! Оказывается, он нашел все эти письма, в которых неизвестные мужчины обзываются в любви Тамаре Церетели! И жениться обещают! Отцу до сих пор не нравится, когда я об этом вспоминаю.

– Скажите, почему вы не можете участвовать в «прямой линии»?

– Сейчас там новый ректор, очень опытный, сам хороший скульптор. Министерство финансов утвердило для нас на будущий год приличную сумму.

– Я понимаю, что вам не до этого, но очень больно: институт престижный, а такие ужасные вещи происходят. Студенты пьют! Здание разваливается!

– Сейчас в общежитии заканчиваем ремонт – если понравится, ваша дочь может там жить...

– Нет, спасибо, Зураб Константинович, у нас в Москве квартира. Меня другое беспокоит – что не хватает преподавателей, что они не приходят на занятия. Может, мне к вам на прием записаться?

– Давайте.

Подготовила
Дарья АКИМОВА